

УДК 323.396 (47+57)

К.В. Титов

NOMENCLATURA ODIOSA EST: ПРОБЛЕМА МОЛЧАЛИВОГО ПРАВЯЩЕГО КЛАССА

Анализируется проблема артикуляции номенклатурой своих групповых интересов в противостоянии с верховной властью. Обосновывается тезис о том, что в 1924–1927, 1956–1957 и 1964 годах, когда между номенклатурой и верховной властью заключался контракт, условия этого контракта каждый раз формулировались верховной властью. Номенклатура лишь принимала эти условия, молчаливо голосуя в поддержку того или иного претендента на лидерство. Даже удачная попытка номенклатуры взять в 1964 году инициативу в свои руки и продиктовать свои условия верховной власти окончилась заимствованием языка этой же власти. Обосновывается тезис о том, что доктринальный язык революции, служащий официальным языком советской идеологии, не содержал языковых средств артикуляции интересов номенклатуры, как и других реально существующих групп советского общества.

Ключевые слова: номенклатура, социальный контракт, артикуляция интересов, языковые средства доктринального языка.

Советская номенклатура была на удивление скромна: и в словах, и в жестах. В отличие от современной «power elite», номенклатуре было присуще желание слиться с официально декларируемым социальным ландшафтом: «рабочие – колхозники – трудовая интеллигенция». Разве что будоражили воображение туманные слухи о спецраспределителях. На трибуне Мавзолея можно было наблюдать сначала фуражки и шинели, а позже – пыжиковые шапки и обычные серые пальто, о которых, правда, ходили слухи, что они изнутри подбиты соболиным мехом. Еще незаметнее были «товарищи на местах». Так, в городе Перми – областном, а ныне краевом центре – существует жилой дом, известный как «крольчатник» (из-за сетчатого заборчика вокруг). Обычная «хрущевка» из силикатного кирпича, только чуть-чуть выше, да придомовые дорожки зимой вычищены до асфальта «под скребок». И только немногие посвященные знали, что на каждой площадке этого дома вместо четырех дверей только две. В общем – «скромное обаяние»... Но сейчас речь пойдет не о скромности в жестах, а о скромности в словах.

От любого «класса для себя», а тем более «правлящего», стоит ожидать четкой артикуляции своих интересов. И по крайней мере три раза на протяжении советской истории номенклатура имела благоприятную возможность открыто сформулировать своё корпоративное мнение о собственном месте и роли на советской политической сцене. Речь идет о ситуациях, сложившихся в 1924–1927, 1956–1957 и 1964 годах.

© Титов К.В., 2014

Титов Константин Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и истории ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: titov@do.pstu.ru.

Все эти три ситуации могут быть описаны одной схемой: уход вождя (носителя верховной власти) при отсутствии официально провозглашенного «наследника» порождает борьбу в высшем властном эшелоне, а поскольку любой из претендентов мог получить легитимность только из рук высших партийных форумов, то представленная там номенклатура получала уникальный шанс – *продиктовать* ему (претенденту) свои условия.

Исследование, предпринятое автором ранее [11, 12, 13] на основе метода контент-анализа [3], показало, что каждая из этих ситуаций завершалась тем, что между верховной властью в лице того или иного претендента и номенклатурой заключался публичный контракт, подписывались своеобразные «кондиции».

Однако обращает на себя внимание тот факт, что и в 1924–1927, и в 1956 годах номенклатура никаких условий *не диктовала*, хотя имела такую возможность. Она лишь *молчаливо принимала* условия контракта, предлагаемые «сверху». Номенклатура молчала. Её язык – язык голосования.

Впервые эту картину мы наблюдаем и в период, когда после смерти В.И.Ленина, едва только возникнув, номенклатура подверглась угрозе со стороны Троцкого, замахнувшегося на партийный аппарат. Более мудрый И.В. Сталин выступил в 1924 году с докладом на партконференции [10]. Логика доклада проста: осуждая «шесть ошибок Троцкого», представляющие собой угрозы для номенклатуры, Сталин тем самым обязуется таких «ошибок» избегать и, следовательно, эти угрозы снять. В обмен он получает поддержку своих претензий на лидерство.

Итак, говорит один Сталин, а номенклатура молчаливо голосует, осуждая фракционеров и уклонистов, и тем самым молчаливо ставит свою подпись под контрактом.

Второй случай – доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», сделанный на закрытом заседании XX съезда [7, с. 128–170]. На первый взгляд, перед нами опять обвинительный акт, только теперь уже самому И.В. Сталину, в котором можно выделить основные «линии обвинения»: нарушение «принципа коллективного руководства в партии», массовые репрессии, а также присвоение себе всех заслуг в деле социалистического строительства, победы в Великой Отечественной войне и т.п. Поскольку Н.С. Хрущев решительно осуждал подобную практику, то его доклад вполне мог быть воспринят как обещание «так не делать» и, следовательно, по закону исключенного третьего «делать наоборот»: во-первых, возвратиться к принципам коллективного руководства («вождь» делится властью с номенклатурой), во-вторых, прекратить репрессии и, в-третьих, публично признать заслуги реальных творцов «всех наших побед».

Именно поэтому текст данного доклада и можно интерпретировать как текст политического контракта, где высокие договаривающиеся стороны обменялись статусами. Никита Сергеевич воплощал в своей персоне верховную власть, а верхушка номенклатуры, обретя доступ к власти и гарантии неприкосновенности, обрела некоторые (далеко не все!) атрибуты «правлящего класса».

Однако для нас в данном случае имеет большее значение тот факт, что и в 1924-м и в 1956-м говорила только одна «договаривающаяся сторона»: инициатива полностью принадлежала самим претендентам на верховную власть. В случае с Хрущевым факт заключения контракта был подтвержден номенклатурой только в следующем 1957 году, когда попытка свергнуть Хрущева уже окончилась сокрушительным поражением политических звезд первой величины: Молотов, Каганович, Ворошилов потерпели поражение от «Никитки». Номенклатура молчаливо проголосовала «за» осуждение «антипартийной группы», не добавив от себя ни единого слова.

Что же касается ситуации 1964 года, то, казалось бы, она развивалась по иному сценарию. В этот раз условия контракта были выработаны в номенклатурных кулуарах и оглашены задним числом. Характерно, что условия контракта на этот раз оглашал не сам претендент на верховную власть – Л.И. Брежнев (хотя и он сказал на Пленуме свое слово [1, с. 252]), а один из членов «коллектива руководителей» – М.Г. Суслов [9, с. 239–252].

Итак, номенклатура впервые заговорила. Но заговорила чужим языком, языком верховной власти. Чтобы доказать этот тезис, нам потребуется в-первых, проанализировать язык Сталина и Хрущева, чтобы затем сопоставить его с языком Суслова.

Для анализа языка «первичного контракта» возьмем доклад Сталина на XIII партконференции, где он и говорит о «шести ошибках Троцкого» [10].

Первая ошибка Троцкого, по словам Сталина, заключалась в том, что он «противопоставил» себя ЦК, «выступил против» ЦК, «встал над», «пытается встать выше», «возомнил», «открыто игнорирует», «может себе позволить», действовал «независимо» от ЦК, «помимо воли» ЦК, «через голову» ЦК.

Помимо ЦК Троцкий также «грубо игнорирует» «волю партии» в лице руководства местных организаций («целый ряд организаций», «воли ряда организаций»). Это – вторая ошибка Троцкого.

Кроме того, чрезвычайно важно, в связке с какими терминами упоминается сама фамилия Троцкого: «сверхчеловек», «вельможа» и т.п.

Таким образом, Троцкий – «вельможа», который «возомнил» и «встал над». И если носителем верховной власти станет вельможа Троцкий, стремящийся подмять даже ЦК, то кем же тогда будет номенклатура, в том числе представленная делегатами конференции? Троцкий, таким образом – это угроза отрыва верховной власти от номенклатуры, угроза установления отношений господства-подчинения.

Итак, Сталин формулирует первую статью контракта: носитель верховной власти определяет свой статус в партийной иерархии только как «первый среди равных», он обязуется играть по общим правилам, ограничивая себя выполнением «единогласно принятых решений». Верховная власть обязуется не игнорировать (тем более «грубо») волю партии, в том числе и в лице руководства местных организаций.

Третья ошибка Троцкого заключается в том, что он «партийный аппарат противопоставил партии, дав лозунг борьбы с “аппаратчиками”». Анализ языка этого отрывка мы опустим по соображениям, которые станут ясны ниже. Скажем только, что разбор третьей ошибки добавляет в контракт еще одно обязательство, взятое верховной властью, а именно: отказ от самой мысли о противопоставлении аппарата партии и, более того, признание за аппаратом руководящей роли в партии и статуса «ядра партии». Это – вторая статья контракта.

Тема «аппарата» находит свое развитие при разборе Сталиным «четвертой ошибки Троцкого», когда в сталинском дискурсе появляется категория «кадры» (имеются в виду кадры партийного аппарата). Угрозу в данном случае представляют следующие действия Троцкого.

Во-первых, он обвинил кадры в «перерождении». Во-вторых, «противопоставил» партийным кадрам молодежь. Любопытно при этом, что молодежь Сталин характеризует словами Троцкого, как бы «раскрывая» позицию оппонента для критики. Молодежь у Троцкого (Сталина) противопоставляется контрреволюционности, опасности перерождения, оказывается «ближе к марксизму» и т.п. Таким образом, молодежь, если позиция Троцкого будет принята, действительно становится грозным противником, ибо готова перехватить у «стариков» «революционность» – фундаментальное легитимное основание власти в то время.

В-третьих, Троцкий партийные кадры «поставил на одну доску с партией социал-демократов в Германии». Аналогия с германской социал-демократией в текстах самого Троцкого не является основным эпизодом. Тем не менее Сталин посвящает этому довольно объемный кусок текста, вдаваясь в «анализ» положения дел в СДПГ. Здесь вновь доминирует термин «кадры» и как синоним – термин «старики», характеризующиеся как «опытные». Однако «опыт» этих «кадров» (немецких) да и сами «кадры» в противоположность кадрам РКП(б) сопрягаются с такими характеристиками, как «борьба с революционностью», «против диктатуры пролетариата», «против рабочего класса» и т.п. Сталин полностью соглашается с Троцким, что «эти кадры» необходимо «изгонять...», «громить...», «громить...», «разрушать».

Таким образом, Сталин не только еще раз напоминает делегатам конференции, что Троцкий, ставя их «на одну доску» с переродившимися кадрами СДПГ и противопоставляя им революционную молодежь, угрожает лишить их революционной, пролетарской легитимности, но и о том, что победа Троцкого грозит им перспективой «изгнания, разгрома и разрушения».

Можно заключить, что подтекст анализа Сталиным «четвертой ошибки» содержит торжественный отказ верховной власти от права «изгонять...», «громить...», «разрушать» аппарат и кадры. Это – третья статья контракта.

Говоря о «пятой ошибке», Сталин вновь возвращается к поднятой Троцким теме молодежи, сужая это понятие до «учащейся молодежи» и одновременно расширяя его до понятия «интеллигенция», которое отождествляется с понятием «непролетарские элементы». Все эти категории противопоставляются рабочим, пролетарским элементам и позиции самого Ленина. Сталин указывает, что уча-

щаяся молодежь, по Троцкому, – есть сила, могущая противостоять «партийному бюрократизму». Из контекста следует, что «учающаяся молодежь» и «интеллигенция» выступают вместе с Троцким как носители угрозы для «наших комитетов».

Можно предположить, что в этом фрагменте содержится обязательство оградить партаппарат от возможной «кадровой революции», а именно вторжения молодежи и (или) интеллигенции, каковые заранее объявляются враждебным «нашей партии» непролетарским элементом.

Несколько особняком стоит «шестая ошибка» Троцкого. Троцкий, привязанный к термину «оппозиция», создает такую угрозу, как «группировки» и «фракции», которые, в свою очередь, сопряжены с понятием непролетарского, контрреволюционного («частный капитал», «крестьяне», вновь «интеллигенты» и пр.).

Этому противопоставляется взгляд на партию, характеризующую как «единая», «сколоченная», «настоящая стальная», «монолитная», «высеченная из одного куска», «имеющая одну волю», «объединяющая в одном потоке».

Таким образом, последнюю статью контракта можно сформулировать как обязательство сохранять единство партии. Правда, не совсем понятно, чьё это обязательство. Сохранение единства партии можно понимать как обязательство вождей (верховой власти) охранять групповые интересы «своей команды» от посягательств чужаков, так и обязательство команды хранить верность своим вождям: «Не был! Не состоял! Не участвовал!».

Сравнивая эти статьи с контрактом 1956 года, нетрудно заметить существенные заимствования. Из трех пунктов обвинения, выдвинутых Хрущевым в адрес Сталина (напомним, что это нарушение «принципа коллективного руководства в партии», массовые репрессии и присвоение себе всех заслуг), два первых полностью повторяют контракт 1924-го, а именно его первую и третью статьи, касающиеся «культы личности» и репрессий. Так, если Троцкий обвиняется в том, что он «сверхчеловек» и «вельможа», который «встал над», то сам Сталин оказывается повинен в политике «возвеличивания одной личности, превращения ее в какого-то сверхчеловека». Если Троцкий открыто и грубо «игнорирует волю партии» и «выполнение единогласно принятых решений», то сам Сталин проявляет «полную нетерпимость к коллективности в руководстве и работе, допускал грубое насилие...». Если Троцкий угрожает «изгонять, громить, разрушать» кадры, то Сталин виновен в «массовых репрессиях» «против... кадров партии» [7, с. 128–170].

Дословное повторение обвинений может быть объяснено тем, что именно в этой части контракт 1920-х был грубо нарушен верховной властью в 1930-х, когда Сталин сам реализовал все угрозы, приписанные им Троцкому. Поэтому контракт 1956-го можно рассматривать просто как восстановление ранее достигнутых соглашений. Что же касается статьи второй сталинского контракта (отказ от обвинений аппарата в перерождении), то, поскольку она не была нарушена Сталиным, разговор о ней и не шел. Действительно, даже в самый разгар избиения партийной элиты обвинения в адрес её представителей носили какой угодно ха-

рактер (в том числе совершенно абсурдный), но ни о каком «термидорианском перерождении» вопрос ни разу не поднимался. Партийность самого *института* партаппарата осталась неприкосновенной при том, что его «персональный состав» сплошь состоял, как оказалось, из «шпионов и вредителей». Однако «двоемыслие» советской эпохи, видимо, легко примиряло эти несообразности.

Что же касается «единства партии», то тема эта всплыла через год после хрущевского доклада и описана опять же сталинскими терминами: «антипартийная группа» и т.п.

Возвращаясь к докладу на XX съезде, необходимо уточнить, что Хрущев говорит только о массовых репрессиях («разгром и уничтожение»), совершенно умалчивая о грехе «кадровой революции». Это и не удивительно. Ведь большинство делегатов XX съезда и были той «молодежью» (но не «интеллигенцией!»), которую так «смело выдвигал» Сталин на замену уничтоженным «старикам».

Рассмотрим теперь язык, на котором номенклатура впервые подала голос в 1964 году.

Первый фрагмент доклада М. Суслова на октябрьском Пленуме ЦК [9, с. 239–252] практически дословно и теми же словами воспроизводит обвинения, которые в свое время сам Хрущев адресовал Сталину, а сам Сталин в свое время – Троцкому. Анализируя активную лексику Суслова, можно заключить, что Хрущев «грубо нарушал» всё тот же «принцип коллективного руководства», «ленинское требование подчинения воли одного партийного руководителя воле коллектива руководителей». Он, «сосредоточив в своих руках...», «перестал считаться», «стремился выйти из-под контроля», «грубо навязывал» и т.п.

Кроме того, Хрущев начал создавать культ своей личности. Он (ну совсем как Троцкий и Сталин) «возомнил себя», «присвоил себе», «бесцеремонно способствовал восхвалению своей личности», а также проявил «упрямство, крайнюю грубость и капризность». И опять мы вынуждены констатировать, что Суслов практически «списал» эти обвинения у самого Хрущева, который, в свою очередь, напрямую позаимствовал язык у Сталина.

Правда, в тексте доклада Суслова вновь заметны и некоторые языковые новации. Стоит отметить, что в отличие от критики Хрущева в адрес Сталина, здесь уже звучат уничижительные термины: «зазнайство», «хвастовство», «интриганство» и пр. Кроме того, в докладе 1964 года «коллектив руководителей» выступает не только как «жертва», но и как активный защитник, способный оказать сопротивление узурпатору. Характерны в этом отношении упоминание о «единодушном сопротивлении членов Президиума» и такие формулировки, как «начал терять», «стремился присвоить» и т.п., говорящие о том, что «коллектив руководителей» в отличие от случая со Сталиным на этот раз вовремя пресек опасную тенденцию уже на стадии её зарождения.

Настоящим новшеством, серьезным дополнением к языку старых договоров необходимо считать условия, сформулированные выступающим во второй части текста, занимающей примерно половину всего объема доклада.

Вся она посвящена такой угрозе, как «бесконечные реорганизации», которые «буквально задержали всех наших работников сверху донизу». Помимо «бесконечных реорганизаций», необходимо выделить особое обвинение, описанное такими выражениями, как «шарахался из одной крайности в другую», «авантюристический эксперимент», «стал навязывать, не считаясь ни с кем и ни с чем», «вдруг делает заявления...», «потом дает команду...» и пр. Описание этих действий сопровождается такими определениями, как «бесконечные», «многочисленные», «навязанные» и т.п. Последствия же «реорганизаций и перестроек» описаны в таких терминах, как «бедствие», «задержали», «дезорганизовали», «посеяли... чувство неуверенности» и т.п.

Таким образом, по контракту 1964 года номенклатура оказалась в состоянии вырвать из рук верховной власти последнее после репрессий орудие – кадровые и организационные перетряски, которыми сопровождалась хрущевские реорганизации. Показательно, что сразу же после отстранения Хрущева были внесены изменения в устав партии, когда «ротация» была отменена безотносительно ко всяким реорганизациям. Политика кадровой стабильности вела к усилению номенклатурных иммунитетов [5]. Таким образом, есть основания утверждать, что в докладе Суслова вновь поднята тема «кадровых революций», но описанная понятием «бесконечных реорганизаций».

Здесь надо отметить, что «кадровые революции» со времен И.В. Сталина являлись в руках верховной власти инструментом контроля ситуации, ибо препятствовали складыванию непрозрачных региональных и отраслевых номенклатурных кланов [4]. Как только такие кланы стали реальностью, верховной власти не оставалось ничего, кроме как договариваться с ними в рамках так называемого «бюрократического рынка» [6].

Следует обратить внимание и на то, что, описывая действия Н.С. Хрущева, выступающий каждый раз имел в виду «директивы», «команды», «решения», «предложения», «меры», то есть некие посылы к действию. Можно заключить, что авторитетом Пленума верховной власти предписывалось «не дергать товарищей», не «бросать директивы», не «давать команды», не «навязывать», - одним словом не заставлять, обеспечить спокойствие и стабильность.

Этот отказ от административного принуждения, традиционно применяемого верховной властью к номенклатуре, имел важное значение. Ведь необходимость командно-директивного «нажима» и «навязывания» возникает только в том случае, если власть ставит некие масштабные задачи (например, осуществить индустриализацию и коллективизацию, догнать и перегнать Америку, построить за 20 лет коммунизм), а исполнители отнюдь не воспринимают эти задачи как свои собственные.

В этом контексте несколько иное значение приобретают идущие в тесной связке термины «волонтаризм» и «субъективизм», в которых верховная власть официально покаялась (термин «волонтаризм» ввел в оборот сам Л.И. Брежнев в своем вступительном слове на Пленуме [1, с. 252]). Как известно, «волонтаризм»

это практика постановки задач, выполнение которых «объективно» не обеспечено необходимыми ресурсами, и оценки этой объективности со стороны верховной власти явно недостаточно. Так, сам М.А. Сулов на Пленуме, не упоминая самого термина «волонтаризм», всё же расшифровал его, когда обещал, что теперь верховная власть будет действовать «разумно..., на основе глубокого изучения существа дела, **советуюсь с вами**, с местными партийными, советскими органами и работниками народного хозяйства» [9, с. 247].

Зная, в общих чертах, каковы были интересы и модели поведения номенклатуры, можно утверждать, что такой порядок «объективной» постановки задач мог привести только к одному, а именно их отсутствию, ибо исполнитель всегда может «доказать» непосильность задачи.

Таким образом, в 1956–1964 годах верховная власть не только лишилась всех инструментов, с помощью которых могла сподвигнуть своих «служилых людей» на решение сверхзадач (террор, кадровые революции, административное принуждение), но и согласилась не выдвигать таковых задач в принципе. А ведь еще совсем недавно не было «таких крепостей, которых не могли бы взять большевики!»

Любопытно, кстати, что сам Н.С. Хрущев и не думал на XX съезде ставить Сталину в вину постановку необдуманных задач, хотя можно было вспомнить и темпы коллективизации, и годовые директивы к первому пятилетнему плану, и многое другое. Вероятно, сам Хрущев, как руководитель сталинского поколения, считал такую практику вполне приемлемой и продолжал действовать в том же духе, только без Н.И. Ежова...

Вернемся, однако, к языку. Анализ текстов показывает, что только на 45-м году своего существования номенклатура впервые решилась самостоятельно, на своем собственном языке сформулировать свои требования, произнести собственные слова, да и то только робко добавив их к тезаурусу верховной власти.

Можно выдвинуть две гипотезы, объясняющие этот феномен молчания. Во-первых, это характерная для советского общества слабость внутренних коммуникаций, препятствующая институализации реальных сообществ. Так, в середине 1920-х номенклатура была еще слишком молода, чтобы наладить таковые коммуникации на уровне горизонтальных связей и осознать себя «как класс». Кроме того, молодая номенклатура, вероятно, осознавала собственную неполноценность перед лицом «вождей», отдавая им инициативу. В 1930-х верховная власть предпринимала все меры к недопущению институализации номенклатуры. Поэтому к 1956 году она также не была готова воспользоваться ситуацией в полной мере, выступив сплоченными рядами. И только время «хрущевской оттепели» создало более или менее благоприятные условия для начала консолидации элит. Только тогда номенклатура заговорила и выговорила себе условия, в которых и произошла её окончательная консолидация.

Во-вторых, проблема «молчания номенклатуры» может быть объяснена отсутствием подходящих языковых средств: на языке революционной доктрины это просто невозможно было сделать, а иного у номенклатуры не было, ибо эта

последняя вынуждена была официально играть совершенно противоестественную для нее роль «продолжателя дела Ленина», носителя революционных традиций. Но доктринальный язык революции создавался, как обычно, сначала идеалистами, которые её замыслили, а затем фанатиками, которые её делали. Поэтому, когда пришла пора жуликам воспользоваться её плодами, оказалось, что на языке доктрины просто невозможно описать их корпоративные (групповые) интересы. Пришлось прибегнуть к скудному языку «партхозактивов», когда речь шла не о «наших революционных кадрах», а о «задерганных товарищах». И не удивительно, что «номенклатурный язык», вошедший в полную силу после 1964 года, стал образцом невразумительности и бессодержательности, ибо интересы «стабильности» невозможно высказать на языке революции. Отсюда все эти «дальнейшие совершенствования», «углубления» и пр.

Справедливости ради стоит добавить, что язык официальной доктрины не годился для артикуляции интересов не только номенклатуры, но и никакой другой реально существующей группы населения. Поэтому эти реальные группы становились «немыми», незаметными в советском обществе, скрываясь за фасадом «рабочего класса», «трудового крестьянства» и пр.

Список литературы

1. Вступительное слово Л.И. Брежнева на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС // Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. – М., 2007. – С. 252.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М., 2006.
3. Кобринский А.Л. Проблемы государственного строительства в Российской Федерации (по материалам стенограмм пленарных заседаний Государственной Думы 1993–1995 гг.). – М., 2001.
4. Колдушко А.А. Кадровая революция в партийной номенклатуре на Урале в 1936–1938 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2006.
5. Мохов В.П. Номенклатурный иммунитет // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 1. – С. 44–49.
6. Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину (Анатомия застоя). – М., 1991.
7. О культе личности и его последствиях: доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду Коммунистической партии Советского Союза 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 128–170*.
8. Премьер известный и неизвестный. Воспоминания о А.Н.Косыгине. – М., 1997.

* Полную электронную версию доклада см., например, на: <http://kronos.km.ru/docum/doklad20.html>.

9. Протокол № 9 заседания Пленума ЦК КПСС от 14 октября 1964 г. // Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. – М., 2007. – С. 239–252.

10. Сталин И.В. Доклад об очередных задачах партийного строительства на XIII конференции РКП(б) 17 января 1924 г. // И.В. Сталин. Сочинения. – Т. 6. – М., 1947. – URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t6/t6_02a.htm#s1#s1.

11. Титов К.В. «Contract social» по-брежневски. Номенклатура и верховная власть: реконструкция контракта 1964 г. // Полития. – 2010. – № 3–4.

12. Титов К.В. «Contract social» по-хрущевски: доклад «О культе личности и его последствиях» как договор верховной власти с номенклатурой // ПолИс. – 2005. – № 5.

13. Титов К.В. «Contract social» по-сталински (Номенклатура и верховная власть: реконструкция контракта 1924–1927 гг.) // Полития. – 2011. – № 2.

Получено 16.01.2014

K.V. Titov

NOMENCLATURA ODIOSA EST: THE PROBLEM OF TACID RULING CLASS

The problem of top bureaucracy's articulation of group interests in confrontation with supreme power has been analysed in the article. It is substantiated that in 1924–1927, 1956–1957 and in 1964 the terms of agreement, concluded between top bureaucracy and supreme power, were laid down by the latter. Top bureaucracy only accepted those terms and tacitly voted for one or another pretender to leadership. Even top bureaucracy's successful attempt to take the initiative and to dictate their terms to supreme power in 1964 came to adoption of that power's language. The author affirms that the language of doctrine used as the official language of Soviet ideology didn't contain the linguistic means of the top bureaucracy interests' articulation. The same idea could be concerned the other really existing groups of the Soviet Society population.

Keywords: top bureaucracy, social contract, interests' articulation, linguistic means of the language of doctrine.